

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л61

Rachael Lippincott, Mikki Daughtry, Tobias Iakonis
FIVE FEET APART

Text copyright © 2018 by CBS Films, Inc.

Jacket illustration copyright © 2018 by Lisa Perrin

Published by arrangement with Simon & Schuster Books For Young Readers,
an imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division.

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means,
electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information
storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Липпинкотт, Рейчел.

Л61 В метре друг от друга / Рейчел Липпинкотт, Микки
Дотри, Тобиас Иаконис ; [пер. с англ. С. Н. Самуйлова]. —
Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Young Adult. Бест-
селлеры).

ISBN 978-5-04-105414-4

Нашумевший роман, экранизация которого недавно вышла на
экраны! В главной роли Коул Спраус.

Можно ли влюбиться в кого-то, кого ты никогда не сможешь
обнять?

Парень и девушка.

Любовь с первого взгляда.

Любовь, которой даже смертельная болезнь не сможет помешать.

Стелла и Уилл бросают вызов судьбе и идут наперекор всем.
Они встретились, когда больше всего нуждались в этом. Вот только
их любовь обречена, ведь Уилл никогда не сможет коснуться Стеллы.
Его прикосновение смертельно для девушки.

Но истинная любовь не знает ни границ, ни запретов, и она опре-
деленно стоит целой жизни...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Самуйлов С.Н., перевод
на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105414-4

Для Эллисон

— Р. Л.

*Мы посвящаем эту книгу и фильм всем
пациентам, членам семей, медицинским
работникам и любимым, которые каждый
день отважно сражаются с кистозным фи-
брозом. Мы надеемся, что история Стеллы
и Уилла поможет привлечь внимание к этой
болезни и найти лекарство
от нее.*

— М. Д. и Т. И.

ГЛАВА 1

СТЕЛЛА

На рисунке моей сестры — легкие, состоящие из моря цветов. Я веду пальцем по контуру. Лепестки вырываются за кромки двух одинаковых овалов нежно-розовыми, насыщенно-белыми и даже вересково-синими кончиками, но каждый из них по-своему уникален, в каждом ощущается вибрация, пульс вечного цветения. Не все бутоны раскрылись, и я чувствую в них обещание жизни, только и ждущей прикосновения моего пальца, чтобы явить себя. Вот они — мои любимцы.

Я часто — даже слишком часто — задаюсь вопросом, а каково было бы иметь такие здоровые легкие. Такие живые. Делаю глубокий вдох и чувствую, как воздух, преодо-

левая сопротивление, пробивается в грудь и из груди.

Рука соскальзывает с последнего лепестка последнего цветка и опускается, пальцы тянутся по звездному фону, касаясь ярких пятнышек, нарисованных Эбби в попытке запечатлеть бесконечность.

Я откашливаюсь, убираю руку и, наклонившись, тянусь с кровати за нашей фотографией. Из-под толстых шерстяных шарфов выглядывают одинаковые улыбки, и над нашими головами, как на ее рисунке, мигают праздничные огоньки в парке.

В этом было что-то волшебное. Мягкое сияние уличных фонарей, белый снег, цепляющийся за ветки деревьев, тихая неподвижность всего вокруг. Тогда, в прошлом году, мы чуть не отморозили задницы, но такая уж у нас с Эбби традиция. Наперекор холоду ходить вместе в парк и смотреть праздничную иллюминацию.

Каждый раз, когда смотрю на эту фотографию, вспоминаю то чувство. Ощущение близкого приключения, в котором мир ждет нас, только нас двоих, как раскрытая книга.

Беру кнопку, вешаю фотографию рядом с рисунком, а потом сажусь на кровать, достаю из кармана блокнот и беру с прикроватной тумбочки карандаш. Глаза бегут по длинному списку намеченных на сегодня дел. Я составила его утром, и первым пунктом в нем идет *«составить список дел»*. Твердая, горделивая линия его вычеркивает — выполнено. Последний пункт, под номером 22, гласит: *«поразмышлять о жизни после смерти»*.

Пункт 22 был, возможно, чуточку амбициозен для пятничного вечера, но, по крайней мере, теперь я могу вычеркнуть пункт 17 — *«украсить комнату»*. Оглядываю еще недавно голые стены. Едва ли не все утро я превращала эту палату снова в мою, и теперь она украшена творениями Эбби, собранными за несколько последних лет, частичками цвета и жизни на холодных белых стенах.

Вот я — в руке катетер от капельницы, и флакон едва не лопается от бабочек самых разных форм, расцветок и размеров. Вот я — в носу канюля, длинная трубка от которой свилась так, что напоминает знак бесконеч-

ности. Вот я и небулайзер, пар из которого образует облачный ореол. А вот самый изящный рисунок из всего собрания — поблекшее торнадо звезд, которое Эбби нарисовала, когда я попала сюда в первый раз. Он не такой безукоризненный, как более поздние ее работы, но почему-то нравится мне больше.

И под всем этим буйством красок — коллекция моего медицинского оборудования, расположившаяся рядом с жутким больничным креслом из зеленого кожзаменителя, стандартным для каждой палаты здесь, в Сейнт-Грейсиз. Я с опаской поглядываю на стойку капельницы — до начала первого из многих приема антибиотиков остается час и девять минут. Везет же мне.

— Вот она! — слышится голос в коридоре. Поворачиваюсь. Дверь медленно приоткрывается, и в щелочке появляются два знакомых лица. За последние десять лет Камила и Миа побывали у меня здесь миллион раз, но до сих пор не могут добраться из вестибюля до моей комнаты, не обратившись за помощью к каждому встречному.

— Ошиблись дверью! — говорю я с улыбкой, видя, как светлеют их встревоженные лица.

Миа смеется и толкает дверь:

— Сказать по правде, могли бы. Это же лабиринт какой-то.

— Радуетесь? — Я вскакиваю и раскрываю объятия.

Камила отстраняется, смотрит на меня, надув губы, и темно-каштановые волосы падают ей на лицо.

— Уже вторая подряд поездка без тебя.

Так и есть. Не в первый уже раз кистозный фиброз¹ лишает меня возможности отправиться с классом в поездку, присутствовать на школьном мероприятии или ждать солнечных каникул. Примерно семьдесят процентов времени у меня все нормально.

¹ Кистозный фиброз — наследственное заболевание (передается генетически), вызывающее нарушение работы слизистой и потовой желез. При этом слизь становится очень густой и вязкой и потому легко скапливается в легких и кишечнике. Со временем это наносит необратимый ущерб органам.

Я хожу в школу, гуляю с Камиллой и Мией, работаю над приложением. При этом мои легкие функционируют очень слабо. Но оставшиеся тридцать процентов моей жизни контролирует кистозный фиброз. А это означает, что, возвращаясь по необходимости в больницу для «настройки», я пропускаю такие вещи, как поход с классом в художественный музей или как сейчас — поездку в Кабо.

В этот раз главная цель «настройки» — накачать меня антибиотиками и избавиться наконец от ангины и высокой температуры, которые никак не проходят.

Миа плюхается на кровать, вытягивается и демонстративно вздыхает:

— Всего-то две недели. Ты точно не можешь поехать? Это же наша последняя общая поездка. Ну же, Стелла!

— Точно не могу, — твердо говорю я, и они знают, что это серьезно. Мы дружим со средней школы, и им уже хорошо известно, что, когда речь заходит о моих планах, последнее слово всегда остается за кистозным фиброзом.

И дело не в том, что я не хочу поехать, а в том, что это вопрос жизни и смерти буквально. Я не могу поехать в Кабо или, если уж на то пошло, куда-либо еще, потому что всегда есть риск не вернуться. Поступить так с родителями для меня невозможно. По крайней мере сейчас.

— Ты же была в этом году главой планового комитета! Неужели нельзя сделать так, чтобы курс лечения перенесли на другое время? Мы не хотим, чтобы ты застряла здесь. — Камила обводит широким жестом так заботливо украшенную мной палату.

Я качаю головой:

— Мы еще проведем вместе весенние каникулы. И я не пропустила ни одного весеннего уик-энда лучших подруг с восьмого класса, когда слегла с простудой! — Я улыбаюсь и с надеждой перевожу взгляд с Камилы на Мию и обратно. Ни одна, ни другая не улыбаются в ответ, но смотрят на меня так, словно я убила их домашних любимцев.

Замечаю, что обе держат сумки с купальными костюмами, которые я просила

их принести, и, пытаясь сменить тему разговора, выхватываю сумку из рук Камилы.

— О, купальники! Надо выбрать лучшие! — Раз уж не суждено нежиться под теплым солнышком Кабо в своем любимом купальнике, то почему бы не порадовать себя выбором купальных костюмов для подруг.

Девочки тут же оживляются. Мы радостно вытряхиваем содержимое сумок на мою кровать, и там вырастает пестрый холмик разноцветных тряпочек — цветастых, в горошек, переливающихся.

Зорким глазом просматриваю горку Камилы и вытаскиваю что-то красное, потерявшееся между трусиками от бикини и слитным купальником, наверняка перешедшим моей подруге от ее старшей сестры, Меган.

Бросаю его ей:

— Вот это. Очень тебе идет.

Она делает большие глаза, подносит купальник к талии и в полном замешательстве поправляет очки в тонкой оправе.

— Конечно, линии загара будут смотреться просто восхитительно, но...

— Камила... — Я подхватываю полосатое, белое с голубым, бикини, которое — это видно с первого взгляда — будет сидеть на ней идеально. — Это шутка. Вот то, что тебе нужно.

Она облегченно вздыхает и забирает у меня бикини. Я же переключаю внимание на горку Мии. Моя подруга обосновалась в зеленом кресле в углу и с застывшей на лице улыбкой ведет активную переписку.

Выживаю слитный спортивный купальник, знакомый мне с шестого класса, когда Миа занималась плаванием, поднимаю его и с ухмылкой обращаюсь к подруге:

— Как этот?

— Обожаю! Прелесть! — отвечает Миа, не отрываясь от телефона и продолжая печатать с бешеной скоростью.

Камила усмехается, засовывает купальники в сумку и лукаво мне подмигивает.

— Мейсон и Брук разошлись, — объясняет она.

— О боже, быть не может, — удивляюсь я. Вот это новость. Просто потрясающее известие.

Да, только не для Брук. Но Миа втюрилась в Мейсона еще в десятом классе, на курсе английского у миссис Уилсон, так что эта поездка — ее последний шанс сделать наконец решающий шаг.

С опозданием соображаю, что меня-то там не будет и помочь ей с осуществлением ударного многоступенчатого плана «Бурный роман в Кабо» я не смогу.

Миа убирает телефон и с напускным равнодушием пожимает плечами. Потом поднимается и делает вид, что рассматривает рисунок на стене.

— Пустяки! Завтра утром мы встречаемся с ним и Тейлором в аэропорту.

Я бросаю на нее многозначительный взгляд, и по ее лицу разливается широкая улыбка.

— Ладно, может, и не пустяки.

Мы все пищим от восторга, и я поднимаю расчудесный, супервинтажный купальник в горошек — ровно то, что ей надо. Миа кивает, берет его у меня и прикладывает к себе.

— Я так надеялась, что ты именно его выберешь.